

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! ПРОЛЕТАРИ ВСІХ КРАІН, ЄДНАЙТЕСЯ! ПРОЛЕТАРЫ УСІХ КРАІН, ЗЛУЧАЙТЕСЬ!
BUTUN ÖLKƏLƏRİN PROLETARLAR, BİRLƏŞİN! ZÄMƏSƏDƏDƏM ÜZƏRƏ DƏDƏBƏNƏ, DƏDƏDƏRƏDƏM! QRPİLEŞİRLƏR FOLUP ZƏRÇİRLƏRİ, UŞCƏRİ!
BUTIN JER İYZİNİŇ PROLETARLAR, BİRLƏŞİN! BUTUN DUNJA PROLETARLARI, BİRLƏŞİNİZ! PROLETARHOJI HAMMI MAMLAKATHO, JAK ŞAVEDİ!
BUXL: ÇER ÇUZİNİŇ-PROLETARLAR, BİRİGİNDER! BARDƏQ ÖLKƏLƏRDYN PROLETARLAR, BİRİKKİLE!

ГОД ИЗДАНИЯ 23-й

№ 162 (6932)

СУББОТА

15

ИЮЛЯ

1939 г.

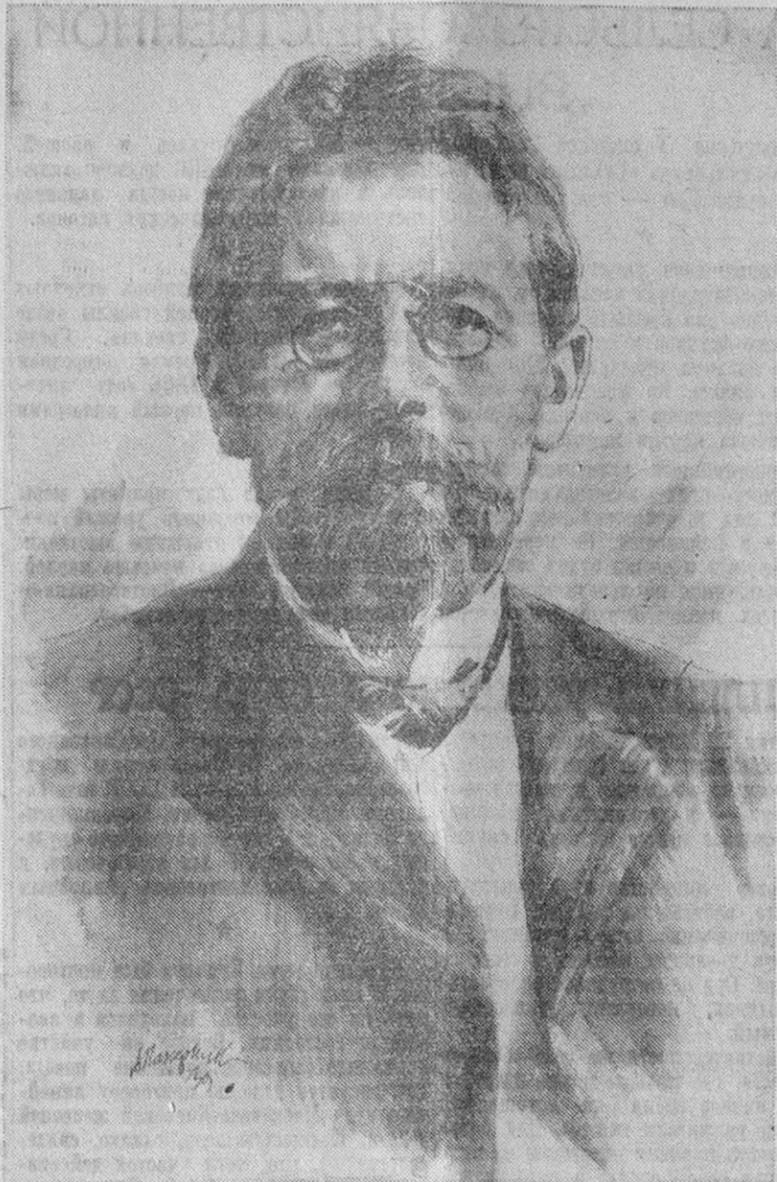
ИЗВЕСТИЯ

**СОВЕТОВ
ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ
СССР**

Цена 10 коп.

А. П. Чехов

К 35-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ

Антон Павлович Чехов.

Рис. А. Панфилова.

«...Каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни», — писал М. Горький по поводу нового чеховского рассказа «В овраге», в котором, говоря словами М. Горького, особенно ярким крошечным ужасом жизни. Но Горький утверждает, что именно в этом рассказе, трагическом, мрачном до ужаса, эта нота звучит сильнее, чем раньше, и будит в душе радость, и за нас и за него».

Горький расслышал в Чехове то, чего упрямо не хотели слышать современные Чехову критики. Его беззаботный смех, — смех «Антоши Чехонте», — звучал для слуха Скабичевского оскорбительно, и критик предвещал Чехову горестный конец. Такие писатели, уверял он, спиваются и умирают под забором. А идеолог народничества 80—90-х гг. Н. К. Михайловский убеждал читателей, что Чехов — писатель «холодной крови», ко всему в жизни равнодушный, для которого, как художника, одинаково интересен и самоубийца, и колокольчик ямщика. «Есть ли у господина Чехова идеалы?» — задавали вопрос иные из критиков и, вынужденные признать, что идеалы все-таки у него есть, утверждали, однако, что это маленькие идеалы, ибо по природе своей Чехов — писатель «бескрылый».

Проповедь чеховского печального героя Иванова, — «выбирайте себе что-нибудь заурядное, серенькое, без ярких красок, без лишнего звука. Вообще всю жизнь стройте по шаблону», — эту проповедь принимали за чеховский «символ веры». Позже, когда Чехов написал «Скучную историю», в которой старый профессор сознается, что у него нет «общей идеи», а общая идея — «бог живого человека», было решено, что и у Чехова нет «общей идеи». Сам Чехов говорил о себе, что он не либерал, не консерватор и что он хотел бы быть только «свободным художником». Этого заявления было достаточно для того, чтобы обвинить Чехова в отсутствии вообще всякого мирозерцания!

Ни Скабичевскому, ни Михайловскому, ни Неведомскому, ни всем иным из тех «критиков», которых сам Чехов сравнивал со слепыми, мешающими лошади пахать, не дано было понять то, что понял в свое время только Горький: «У Чехова есть нечто большее, чем мирозерцание — он овладел своим представлением жизни и, таким образом, стал выше ее. Он освещает ее скуку, ее нелепости, ее стремления, весь ее хаос с высшей точки зрения». Этим дорог нам А. П. Чехов, 35-летие со дня смерти которого отмечает сегодня наша страна.

В чем же заключается у Чехова это собственное «представление жизни»? Чехов сам дает исчерпывающий ответ. В IV акте его «Трех сестер» есть потрясающий по внутренней силе эпизод: барон Тузенбах прощается с Ириной — он идет драться на дуэли. Его вызвал поручик Соленький — бретёр, грубиян не по природе, однако, а, как уверял Тузенбах, из-за застенчивости. Тузенбах не решается открыть Ирине правду. Он даже уверяет ее, что ему весело. И говорит: «Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с любопытством и жлет. Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!»

В этом — весь Чехов: как красивые деревья и какая должна быть около них красивая жизнь!

Должна быть, но ее нет. Нелепо, что милого, умного барона Тузенбаха убьет грубый и неумный Соленький. Но жизнь будет прекрасна, — верит Чехов. Она преобразится, и преобразят ее вовсе не Тузенбахи, которые еще «ни разу в жизни не работали», а только мечтали о труде.

Чехов знает, что от всех городов, в которых живут «чеховские» люди, «не останется камня на камне. — все полетит вверх дном, все изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны, необыкновенные, замечательные люди... Так говорит чудак — неудачник — дядя Саша в рассказе «Невеста». Вместе с ним страстную веру в грядущее обновление жизни исповедывал и сам Чехов.

Чехов в трудном и сложном процессе изживал в себе раба, человека, боявшегося свободной мысли. Он по каплям выдавливал из себя рабью кровь для того, чтобы почувствовать,

что в его жилах «течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая».

Это сказано в письме к тому самому Суворину, отравой которого был на многие годы заражен Чехов. Но он освободился от суворинского влияния так же, как и от своего временного обольщения толстовством. Когда он уверял, что он «только свободный художник» и что политика нужна писателю лишь настолько, чтобы ею же защищаться от политики, в нем еще говорила рабья кровь. Тогда он мог поверить тому, что «человеку нужно только три аршина земли». Но наступило утро, когда, проснувшись, человек чувствует, что в нем течет настоящая человеческая кровь, и Чехов восклицает: «Три аршина нужны трупу... Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Только свободный человек, проявляющий «все свойства и особенности своего свободного духа», мог ненавидеть «людей в футлярах» так, как ненавидел их Чехов. Вспомните только изображение Беликова: «Даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. И зонтик у него был в чехле, в часы в чехле из серой замши и, когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник. Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой и, когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх».

Поистине страшный образ! Но, еще усиливая впечатление, Чехов даже оспальне, в которой умирал Беликов, сказал: «Спальня у Беликова была маленькая, точно ящик, кровать была с пологом».

Человек в футляре держал в страхе весь город, и в городе боялись устраивать любительские спектакли, боялись читать книги, боялись делать добро! «Как бы чего не вышло!» Когда он умер, всем стало весело — «хорошить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие».

Но Беликовых было много, и существовали они в разных личинах. Чем лучше учителя Беликова помещик Чимша-Гималайский, обжирившийся крыжовником, — пусть кислым, зато собственным! Беликов счастлив в своем футляре, Чимша-Гималайский — на собственной усадьбе. «Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч живущих в городе ни одного, который бы вскрикнул, громко возмущился», — говорит устами Чехова тот, от имени которого рассказывается страшная повесть о крыжовнике.

Чехова угнетала грубая, бездарная, нелепая жизнь в той стране, о которой он сам говорил так: «Россия страна казенная». Жить в ней не было сил, но ему страстно хотелось жить. Отсюда его уважение к сильным людям активной воли, «людям подвига», отсюда его мечты о путешествиях и далеких странах. А он путешествовал много и побывал во многих далеких странах. Отсюда его уверенность в том, что только труд может выпрямить человека, дать ему силы жить.

«Как стилист, Чехов недосыгаем, в будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов... Чехов, как стилист, единственный из художников нашего времени, в высокой степени усвоивший искусство писать так, «чтобы словам было тесно, мыслям — просторно». Так исчерпывающе верно раскрывал Горький значение Чехова, и в области своего мастерства создавшего такую же собственную форму, каким было его собственное «представление о жизни».

Пути, проложенные Чеховым, утверждали прежде всего новые для русской литературы приемы. Молодой писатель-декадент Треплев в чеховской «Чайке»

говорит, что ему трудно писать. Вот его сопернику Триггору легко, — он выработал в себе приемы: «У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе». Но «приемы» Триггорина — приемы самого Чехова, потому что Треплев питает вовсе не Триггорина, а приводит... слова Чехова из его письма к брату Александру и из рассказа «Волк».

Задолго до того, когда была написана «Чайка», Чехов в письме к тому же Александру учил, что надо бороться в описании природы с общими местами. Он предостерегает от «общих мест» не только в пейзаже, но и в изображении психических движений: «Лучше всего избегать описывать душевное состояние героев: нужно стараться, чтобы оно было понятно из действия». «Душевное состояние» у Чехова раскрыто, однако, не только в действии, но часто в одной какой-нибудь подробности.

Чехов был учителем пелых поколений писателей. У него учились смелости его метафор, четкости скрупулозного рисунка, меткости сравнений, рельефности образов, ритмичности его мужественной прозы, музыкальности его лирики. Это Чехов писал о чувстве, «похожем на белый молодой пушистый снег». Это у Чехова лунный свет «затуманился, стал как будто бы грязней, черные лохмотья слева уже поднимались кверху и одно из них грубо, неуклюжее, похуже на лапу с пальцами, тянулось к луне». Это у Чехова — герой повести «Моя жизнь» слушает, как поет любимая женщина: «И пока она пела — мне казалось, что я ем спелую, сладкую душистую дыню». Когда морская пена покрыла мешок с трупом, брошенным в море, «мешок показался окутанным в кружева».

Язык Чехова, исключительно богатый и меткий, тем особенно выразителен, что каждый чеховский персонаж говорит своим собственным, только одному ему присущим языком. Чехов в совершенстве владел языком многочисленных профессий его персонажей. Их профессиональный язык, язык их мастерства раскрывает и весь их внутренний мир. Старый подрядчик Костыль «В овраге», желая похвалить невестку Цибукиных, сказал: «Все, значит, в ней на месте, все гладенькое, не громыхнет, вся механизма в исправности, винтов много». А когда во время танцев оторвали у Аксины оборку на платье, Костыль крикнул: «Эй, внизу плитус оторвали! Деточки!» «Профессионализм» Костыля раскрывается и в слове, и в жесте. Костыль обо всем судил только со стороны прочности: «я прежде чем сесть за стол, он попробовал несколько стульев, прочны ли, и сита тоже потрогал».

Значение Чехова огромно. Он создал потрясающую картину жизни той страны, которая была «казенной страной России».

Остриящие пошляки, самодовольные собственники, трусливые рабы, заправитанные в прочных футлярах, — все, кого так ненавидел, презирал, высмеивал Чехов, — они и наши враги. Мы у Чехова научились распознавать их под разными личинами, в разных обличьях и под разными масками. Кое-где они еще таятся, неузнанные и неразоблаченные. Борьба с ними продолжается. В этой борьбе Чехов с нами.

Он с нами в нашей любви к той прекрасной, но суровой родине, о которой он писал так страстно и нежно, так правдиво и мужественно. Он верил, что эта страна будет свободной, счастливой, радостной.

— Мы посадим новый чудесный вишневы сад, — говорила юная Аня в его «Вишневом саде». — Вся Россия станет нашим вишневым садом.

Шестая часть мира — молодой цветущий сад. И наше представление о стране, как о цветущем саде, неразрывно с нашими воспоминаниями о Чехове.

Шумит и растет молодой сад, и кажется, что вместе с нами дышит его ароматом красивый и изысканный человек, — великий художник, который знал, что, «как ни велико зло, все же в мире правда есть и будет и все на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью».

Юр. СОБОЛЕВ.